

DOI 10.18522/2415-8852-2022-2-50-65

УДК 82.091

КАТАСТРОФИЧЕСКАЯ ИРОНИЯ И ПОЭТИКА ФРАГМЕНТАРНОСТИ В ТЕКСТАХ РАЙНХАРДА ЙИРГЛЯ

Марина Сергеевна Потёмина

кандидат филологических наук, доцент Балтийского федерального университета им. И. Канта (Калининград, Россия)

e-mail: mpotemina@kantiana.ru

ORCID: 0000-0003-4656-7910

Аннотация. В статье выявляются особенности поэтики Райнхарда Йиргля, основанной на принципах текстопродуктивного нарушения, анаграмматической эстетики и перформативности. Отличительной чертой идиостиля Райнхарда Йиргля являются фрагментарность, разрывы и нарушения повествования, наложения дискурсов, отказ от нарративной когерентности, расслоение и (ре)комбинирование сюжетных линий.

События, происходившие в Германии до и после 1989–1990 гг., представляются в произведениях писателя как хроника истории катастроф. В рамках концепции катастрофической иронии особым концептуально-семиотическим пространством, генерирующим дополнительные смыслы, становится Берлин. Основными средствами реализации катастрофической иронии являются: эстетический радикализм, диссонанс между видимостью и истиной, коммуникативные нарушения, демонтаж, двойственность, виртуализация политических процессов, форма как составная часть содержания, парадокс как базовый элемент коммуникации. На материале романов «Прощание с врагами», «Собачьи ночи», «Отщепенчество» и др. рассматривается, как авторская система новаторского письма позволяет генерировать новые смыслы и анализировать общественные процессы.

Ключевые слова: Райнхард Йиргль, ирония, фрагментарность, объединение, семиотика художественного текста, роман, немецкая литература, идентичность

Райнхарда Йиргля (Reinhard Jirgl, *16 Januar 1953) называют выдающимся нарушителем всех правил современной литературы. Его часто обвиняют во враждебной по отношению к массовому читателю, интеллектуальной элитарности, анахронистическом маньеризме, постструктуралистски приукрашенном неоконсерватизме. Правда, отмечается и языковая виртуозность, перформативная эстетика его текстов.

Произведения Р. Йиргля, действительно, строятся на принципе текстопродуктивного нарушения, в котором перформативные и референтные элементы обуславливают друг друга. Он расчленяет, демонтирует, вновь соединяет и смещает элементы на разных языковых уровнях: фонологическом-фонетическом, семантико-лексическом и грамматико-синтаксическом [Потёмина 2022].

В отличие от миметической повествовательной традиции, ключевой поэтической стратегией Йиргля становится семиозис, т. е. процесс интерпретации знака и порождения значения. При этом важным концептуально-семиотическим пространством, которое не только конструирует собственные социокоды, но и не позволяет их легко декодировать, для Р. Йиргля становится гетерогенное пространство Берлина.

Двойственность языков и двух менталитетов, сформировавшихся в Восточной и Западной Германии до и после падения Берлинской стены, позволила Йирглю говорить

о «катастрофической иронии» [Jirgl 2008b: 54]. Под катастрофическим измерением иронии он понимает «токсичность разрушенных утопий, технических и политических» [Jirgl 2008b: 60].

После Объединения Германии, по мнению Йиргля, была нарушена некая априорная форма двойничества – особой раздвоенной реальности, системы вшитых в мышление восточных и западных немцев базовых настроек (социалистической и капиталистической «операционных систем») [Jirgl 2008b: 55]. После того как закончилась Вторая мировая война и истинно Другой, внешний, враг исчез, враждебное было выработано собственной системой. В социализме этим Другим стал «вызывающий потенциальный отступник, в капитализме – не согласный ни с чем человек, отказывающийся от достижений, работы, денег и потребления» [Jirgl 2008b: 55].

Разделение Германии, демонтаж топографического и общественно-политического пространства, фрагментация жизни восточных и западных немцев, возникающие при этом коммуникативные разрывы метафорически представляются писателем как смерть, связанная с потерей идентичности.

Берлин – место смерти, поскольку именно здесь политически-экономическая система вышла за пределы реальности и, как раковая опухоль, распространилась на семиосферу: «по обе стороны Стены расцвели две со-

зависимые знаковые системы». Берлинская стена выполняла свое единственное предназначение – «установление и сохранение двойственности, вторичности реальности собственной системы» [Jirgl 2008a: 55]. По этой причине «только в Берлине и только в этом контексте мог состояться такой спектакль, как исчезновение Берлинской стены» [Jirgl 2008a: 56].

Падение Берлинской стены усилило коммуникативные разрывы, поскольку старый язык был разрушен, а новый – еще не изобретен: «После падения Берлинской стены обе системы (правда, по разным причинам) <...> потеряли свою референтность – все осталось, как было, но совсем по-другому: дома без крыши – действо великой иронии» [Jirgl 2008b: 56]. При этом «завершения этой иронической конфигурации», по мнению Йиргля, все еще не произошло, что «само по себе является иронией» [Jirgl 2008b: 69].

Наиболее ярко биполярность Германии отражена в названии романа Йиргля «Прощание с врагами» (“Abschied von den Feinden”, 1995). Потеря идеологического врага в лице противостоящих ГДР и ФРГ замещается в объединенной Германии аутоагрессией. Одна страна уже таит в себе «трупный яд», а потому не сможет помочь выздороветь другой смертельно больной стране, которая,

в свою очередь, «сожрет» ее после своего крушения [Jirgl 2010a: 198].

«Некрологом поблекшей ГДР», виртуозно «срежиссированным Inferno», состоящим из картин, полных насилия и разложения; «паноптикумом немецкой сущности и немецкой истории» называет роман Йиргля «Прощание с врагами» Д. фон Тёрне [Törne 1995: 156]. Прощание с любимыми или ненавистными людьми, а также с государствами и идеологиями через различные способы умирания и разложения, распада – центральная тема книги.

В центре сюжета – два брата, которые в раннем детстве попали в детский дом после того, как их отец, бывший эсэсовец, сбежал на Запад, а мать была отправлена в психиатрическую лечебницу. Трагическая история братьев рассказывается не в хронологической последовательности как описание внешних событий, а в форме потока сознания, образного ассоциативного повествования постоянно сменяющих друг друга или сливающихся воедино голосов нескольких безымянных рассказчиков. Читатель становится свидетелем размышлений отца – бывшего нациста, бросившего свою семью; старшего брата, сбежавшего в конце 1980-х гг. из ГДР в западную Германию; младшего брата, превратившегося в осведомителя Штази¹;

¹ Штази (нем. Stasi) – аббревиатура Министерства госбезопасности ГДР (Ministerium für Staatssicherheit).

их общей любовницы – «женщины с лицом лисы» – жертвы ГДР и мужчин; приемных родителей – судетских немцев в поиске своей Родины и идентичности, а также типичного немецкого бюргера – ксенофоба, буднично рассказывающего о страшном прошлом маленькой деревни.

Чаще всего повествование в романе «Прощание с врагами» ведется от имени одного из братьев, иногда эти голоса перемешиваются, но почти всегда они как будто занимают пространство чужого бессознательного, говорят, внедряясь в существо другого, пользуясь его языком. По мнению Э. Гримма, в «мотиве узурпации чужого сознания» Йиргль заходит дальше, чем представитель классического модернизма [Grimm: 124]. Гримм называет романы Йиргля «мерцающей прозой» [Grimm: 126], поскольку она похожа на мерцающий экспрессионистский немой фильм, в котором широким экспрессивным жестом тут и там запускаются вспышки фрагментарных воспоминаний.

Наиболее ярко игра конструктивистски выстроенного реализма и нелинейного интерсубъектного потока сознания проявляется в сцене, когда младший брат, с перерезанным горлом¹, лежит в больнице: он лишен возможности говорить, но это не мешает ему предаваться воспоминаниям. Как и в романе

Т. Хеттхе “Nox”, возможность рассказать об истории Германии и собственной жизни появляется только в момент убийства суверенного субъекта-повествователя [Потёмина 2011]: “Ich liege im Verschwinden. Ich werde zu sprechen beginnen. Jetzt damit beginnen. Sagen, dass ich spreche. Sagen, dass ich verschwinde. Um wieder sprechen zu können <...>” [Jirgl 2010a: 224].

В этом пограничном состоянии, покидая границы своего реального «я», убитый руками собственного брата, герой чувствует облегчение. Теперь он сможет воспользоваться чужим голосом для выражения своих мыслей и ему не придется без необходимости брать за них ответственность, подстраиваться под обстоятельства идеологических контекстов:

“Er, mein Bruder, wird mich aufhören <...> Ich werde danach ohne Sprache sein. Ich werde danach ohne Bilder sein. Ich werde danach verschwunden sein !Vorsicht, das ist 1 Falle. Verschwunden hinter den Grenzen von ich. Verschwunden bis an die Grenzen des Verschwindens. Hier, an diesen Grenzen, Nahtstellen der Leere, werde ich ihn treffen. Meinen Bruder. Das sagt man so. Meinen Mörder. Das sagt man so. Hier werde ich, durch unser Zusammentreffen beginnen. Durch ihn, meinen Bruder, beginnen. Ausgezeichnet. Wieder Wörter haben. Wieder das Schweigen verlassen. Mit der Beute aus fremden Gehirn. Wieder die Gießbäche

¹ Рану нанес старший брат.

des Sprechens hören. Ohne selber Wurzeln schlagen zu müssen. Ich, zerlegt von meinem Bruder, das sagt man so, von meinem Bruder, das sagt man so, werde seine Existenz sein. Werde seine Sprache sein. !Vorsicht Falle. Wenn ich spreche werde ich ihn sprechen. So sind die Regeln für dieses Spiel” [Jirgl 2010a: 225].

Игра, о которой говорит в конце этого фрагмента один из братьев, – важный компонент поэтики Йиргля. В одном из интервью писатель отмечает: «Игре противоположна не серьезность, а действительность!» [Jirgl 2011: 80]. Он пишет, что эта цитата из Фрейда вполне подходит для описания его творческого метода: «Писать – это мой способ присутствовать здесь и сейчас в этом мире, играя с письменными формами, я выражаю свою заинтересованность в нем» [Jirgl 2011: 82]. При этом игра заключается в осмыслении действительности, в обращении к эмоциональному интеллекту читателя [Jirgl 2011: 82].

Эмоциональность в тексте возможна только в том случае, если язык освобожден от обычной грамматики и орфографии и в то же время способен к адекватному отражению действительности. Благодаря своему стилю письма и мышления Йиргль создает альтернативную реальность, которая расставляет вещи в новом порядке. Придуманные реальности, однако, не полностью оторваны от действительности, поскольку интегрируют кризисы реальности внешнего мира в реальность текста.

Для выражения своего мироощущения Йиргль часто выбирает форму монолога (или соединение нескольких монологов). Ситуация, в которой произносятся эти монологи, каждый раз очерчивается неопределенно, допускает разные толкования. Человек, который их произносит, находится в некоем кризисном состоянии, близком к горячечному бреду, и потому сильно искажает те истории, которые время от времени рассказывает.

Мотив двойничества и расщепления сознания, сублимируя травму в аллегории, помогает протагонистам пройти через «кровавую бойню» судьбоносных перипетий, смириться с закатом некогда великого, а теперь низведенного, потерянного, лишено индивидуальности человека [Tommeke 2015: 128].

Распад личности – один из самых очевидных для героев выходов из опасной ситуации. Беспмятство и растворение в другом – единственное прибежище для младшего брата, находящегося в состоянии тревожно-оксюморонного безвременья: пропав «между ночью и ночью», «днем и днем», в «клетке освобождения», в «освещении всех темных сторон говорения», «в постоянном повторении смерти», он планирует новое начало, намереваясь говорить и проявляться через *проговаривание своего убийцы* (Ich spreche meinen Mörder) [Jirgl 2010a: 229] (Курсив наш. – М. П.).

В романе «Отщепенчество» (“Abtrünnig: Roman aus der nervösen Zeit“, 2005) герои вы-

нуждены существовать в государстве, различными ритуалами и предписаниями вынуждающем их действовать определенным образом. Индивидуум присваивает внешние правила, но теряет при этом собственную аутентичность. Страдая от этой коллизии, он осознает, что ничего не приобрел, но при этом потерял себя [Jirgl 2008с: 416]. Все надежды, планы и начинания «отщепенцев» терпят в этом романе крах, их перемалывает молох Берлин. Большой город представлен здесь глобализованным пространством, в котором люди оттесняются на обочину жизни: их существование ограничивается удовлетворением исключительно физических потребностей, ни в личной, ни в профессиональной жизни они не добиваются успеха. Человек воспринимается исключительно как функция, он не должен иметь никаких эмоциональных или ментальных потребностей. Человек как цельная личность разрушен, его «функции» рассеяны по городу в борьбе за выживание. В одной из частей «Генеалогии убийств» (“Genealogie des Tötens“, 2002) механик не только запутался в событиях, происходящих на острове, но и вынужден блуждать в реальном лабиринте. В момент, когда он чувствует себя потерянным как в пространстве лабиринта, так и в социуме, чувствуя отчуждение, ему кажется, что его душа отделяется от тела и стоит рядом, наблюдая за тем, что делает его тело, как за чужаком, который борется за жизнь [Jirgl 2010b: 32].

Такое расщепление тела и наблюдающего за ним субъекта, как правило, случается в экстремальных ситуациях. В ситуации расщепления субъекту проще принимать сложные решения и действовать, передавая управление своему второму «я». Однако отделенное от человека тело больше не воспринимается героями субъектно. Человеческая плоть, побеждающая психику, воспринимается как бездушный чуждый объект – “Ich. Der-Stein” [Jirgl 2000: 75]. Главные герои ведут разорванное существование между индивидуальностью и функцией, «общностью и образцом, между вещами и химерами» [Jirgl 2000: 75].

Чтобы переработать эти парадоксальные ироничные ощущения и сохранить исчезающее чувство собственного достоинства, отстраниться от «мозговой механики» (“Gehirnmechanik”), рассказчик в романе «Прощание с врагами» вынужден разделить, или расщепить, себя на две части – одна часть «я» живет в реальности, Другой «я» – в мыслях. В этом случае герой-юрист чувствует себя посредником между причиной и следствием, актером на театральной сцене, препарирующим своих клиентов как трупы:

“Eine Existenz, Doktor Jekyll u Mister Hyde in=sich am Leben zu erhalten; den I im Sein, den andern im Denken <...> Er bezeichnete sein Dasein als Mittler zwischen Konfliktursachen & -wirkungen als THEATER, seine Klientel beiderseits der Gesetzbücher

als Leichen : Wieviele Menschen, weiße Flecke ohne Kontur sind mir entgegengekommen, dies hatte ich einst, auf I Zettel notiert, auf seinem Schreibtisch gefunden, wieviel ab THEATER ist vorübergegangen; LEICHEN, die analysiert werden wolln. Und wie unter I Summationsstrich hatte er darunter geschrieben: GENIRNMECHANIK" [Jirgl 2010a: 27].

Журналист из романа «Отщепенчество» подобным образом описывает свое состояние цитатой из Джулиана Грина: «Мне часто кажется, что я отделен от своей плоти, как будто внутри меня живут два человека, один из которых страдает, а другой наблюдает за жизнью» [Jirgl 2008с: 52]. Рефлексия позволяет одновременно работать в разрушительном негативном и – созидательном конструктивном режиме. Бидоминанта сознания, разделенного на «я-субъект» и «я-объект», является психологической основой интровертной иронии. «Я» как субъект сознания ведет постоянный диалог со своим другим «я». Иронические отношения, будучи вербализованными, способствуют отчуждению «я» от другого «я» и, в случае «я» как субъекта сознания, ведут к фрагментации сознания вплоть до появления «двойника». Ирония в данном контексте является характеристикой бимодальности сознания, которое одновременно отражает себя и внешний мир.

Деперсонализация, отчуждение тела, фрагментирование и другие формы потери или расщепления «я» характерны для про-

изведений Йиргля. Люди воспринимаются героями его романов как химеры [Jirgl 2010a: 29], «привидения» [Jirgl 2010a: 30], «фигуры из черных оболочек», «бумажные лица», «театральные маски» [Jirgl 2010a: 185], «белые пятна без контуров» и «ГРУПЫ», которые хотят быть проанализированными» [Jirgl 2010a: 27]. Герой романа «Прощание с врагами» отмечает: Я – «голограмма последних лет», уже «исчезающая идентичность» [Jirgl 2010a: 89]. Человек, по мнению Йиргля, распадается на атомы и исчезает: сегодня «человек... разобран на детали&фрагментирован специалистами и учреждениями до последнего атома-: медицински, биологически, юридически: сексуально» [Jirgl 2000: 350].

Индивид становится лишенным социальной привязанности странником, Другим (w-Anderer), когда ему удастся ситуативно справляться со своими многочисленными идентичностями, постоянно распадающимися на фрагменты: "Wege, auf denen Erstrebenswertes möglich ist: Mönch und Verbrecher sein" [Jirgl 2010a: 238]. Движение и изменение заменяют собой все статичные привычные и понятые модели привязанностей и превращают героев романов в социально бессловесные личности, не ориентирующиеся в пространстве. Но даже «видимый» обществу, принятый им человек, как в романе «Прощание с врагами», чувствует себя видимым лишь отчасти, да и сам живет как будто не в полную силу, поверхностно, при-

меряя на себя разные маски. Существует несколько вариантов собственного «я», которое отражается в других искусственных лицах: “*Ins Außen gerückt spiegeln sich diese Selbste aus dem masken-Fundus der-Sadt in den anderen Selbst; so wird jeder zum Anderen im Raum des großen Maskenverleihsystems der-Stadt*“ [Jirgl 2008с: 216]. Бывший пограничник из романа «Отщепенчество» отмечает, что от распада его защитила униформа, однако и в ней таится опасность потерять себя в предписаниях и шаблонах, каждый день, проведенный в униформе, отнимает у протагониста часть его человечности: “*Tag-in- Uniform 1 Stück weniger Mensch*“ [Jirgl 2008с: 512].

Маска дает иллюзию защиты, позволяет мимикрировать в обществе до такой степени, что теряется своеобразие индивидуального «я». Если «маска боли» падает, миру открываются изуродованные тела и лица, «вырванная плоть, ошметки кожи» [Jirgl 2010a: 228]. Отслаивающиеся фрагменты кожи – воплощение бесконечной цепи «сотен микроскопических смертей» [Jirgl 2010a: 228], которые не позволяют вернуться героям в собственную аутентичную жизнь. «Осьминог лжи»... высасывает кровь из остатков разума, оставляет после себя чумной огонь ярости и бойни» [Jirgl 2010a: 72] из этого состояния «!нет спасения» [Jirgl 2010a: 171; 222; 224]. Для старшего брата, который открыл свою адвокатскую контору в маленьком городке Западной Германии, маска – это доспехи, состоя-

щие из «признаний и отрицаний», истинная коммуникация возможна только в случае «снятия с себя шкуры». Отсутствие кожи / лжи – это метафора беззащитности. Младший брат в большом бездушном Берлине воспринимает себя как «плоть без кожи»; «жилы плоть&скелет, выставленные на обозрение прохожих», взгляды которых попадают ему прямо «под кожу» [Jirgl 2010a: 144]. Преодоление асимметрии между памятью жертвы и памятью преступника неразрывно связано с совместными воспоминаниями. Проникновение в сферу бессознательного в поиске забытого, снятие маски, слияние, проговаривание и размещение травмы в Другом – возможные пути спасения от тотального (само) разрушения и распада, эффективный способ справиться с процессом умирания при жизни: “*Besser das Schweigen vernichten, bevor es in vernichtendes Schweigen sich kehrt, gegen mich*“ [Jirgl 2010a: 37].

Распаду на различные элементы подвержена и топография: приграничная деревня, в которой братья из романа «Прощание с врагами» проводили время в детстве, постепенно превращается в руины, от нее остаются лишь камни, осколки и ветер; квартира журналиста из романа «Отщепенчество», который чувствует себя в Берлине небезопасно, – его «нора» и «убежище» [Jirgl 2008с: 288], так же, как и лес, расположенный на окраине города. Для инженера из романа «Собачья годы» руина как возможность исчезнуть из

времени и пространства также становится местом избавления от страха. При этом руина представляется в романах Йиргля временным пристанищем, приютом, крепостью, противопоставленной разрушительному для человека, контролирующему каждый его шаг городу. Незавершенность и несовершенство руины предоставляет человеку пространство для проявления и фиксации на бумаге своих желаний, мечтаний, фантазий, воспоминаний и забвения, для «размышлений о потенциально возможных новых зданиях, о которых мечтаешь» [Jirgl 1997: 368], о несоответствии реальности миру фантазий. Руина не может избавить от разложения и распада, но дает временную возможность замедлиться, предаться воспоминаниям. Однако спрятавшимся в руинах своей жизни героям не удастся найти успокоения. Очертания руины – лишь внешняя граница, условно отделяющая их от суеты, внутри же каждый из них чувствует пустоту.

В нарративе Йиргля Э. Гримм отмечает оппозицию между отшельническим (пишущим и медитативным «я-возможным») и урбанизированным массовым «я в действительности» [Grimm: 199]. В романе «Собачьи годы» (“Hundsnächte“, 1997) старший брат из «Прощания с врагами», прячась в руине, записывает на клочках бумаги свои воспоминания и тем самым продлевает себе жизнь. Его смерти ждут снаружи жители деревни и команда рабочих, которые не могут снести

руину, пока в ней прячется живой человек. Раздвоенное «я» почти всегда противостоит «другому», «массе», поскольку ощущает фундаментальное одиночество, потерю родины, отчуждение и враждебность окружающих. Изоляция Другого, Чужого, Инакомыслящего открыто осуществляется через конфронтацию в ксенофобной деревенской общине.

Поскольку Йиргль, как и Вальтер Беньямин, считает, что «духовная сущность сообщает себя в языке, а не посредством языка, то и, создавая свои произведения, смысл текста он предлагает искать не в содержании (детерминированном многочисленными дискурсами), а в человеческом теле – непосредственной арене исторического хаоса» [Demir: 108]. Ведь в любые исторические времена насильственного обнажения и ограничения языка именно тело является единственным текстом, который говорит правду, проявляет свою строптивость и непослушание. «Через свой язык и способ конструирования текста, – пишет Йиргль, – я ищу выразительные средства, которые помогут мне обозначить ту несправедливость, которая существует в социальных и ментальных реальностях, обострить ее, чтобы потом обесценить. Однако это отрицание должно произойти в головах зрителей, а не на бумаге» [Jirgl 2008a: 109].

Буквы позволяют подсознательному перейти в сознательное. По мнению писателя, за каждым письменным знаком скрывается чувственность визуального образа. Сложные

темы и представления, символически абстрагированные, могут быть привязаны к буквам как код. По мнению Йиргля, уже одна-единственная цифра, интегрированная в текст, вынуждает читателя переключиться от линейной действительности букв к «островной» действительности цифры. Это вынуждает его нейрофизиологически расшифровывать, распознавать текст как математическую формулу. Автор как бы предлагает читателю ребусы, шифры, дабы подтолкнуть его к «активному» чтению, разбудить способность к ассоциированию, вовлечь в игру его интеллект.

Формулу поэтики Йиргля можно описать словами младшего брата из романа «Прощание с врагами»: “Sollte er der Faszination dieser Wörter... verfallen sein/ Dem unermüdlichen Versprechen des Sprechens zu sprechen. Verfallen sein. In der Falle sein“ [Jirgl 2010a: 226]. Судя по всему, читатель также должен попасть под обаяние слов писателя и в его ловушку.

Йиргля можно назвать представителем анаграмматической эстетики: его тексты отражают интертекстуальное, нелинейное комбинаторное мышление, которое текстуализирует историю. В романах «Генеалогия убийства» и «В открытом море» автор размещает отдельные сюжетные линии и части диалога на одной странице параллельно друг другу, чтобы формально подчеркнуть параллелизм событий или вербальной интеракции. В романе «Отщепенчество» писатель

использует принцип интернет-ссылок, которые размещаются в середине текста и тем самым предоставляют читателю свободу в составлении своего «читательского меню». Неожиданные перекрестные ссылки на более ранние или более поздние сцены появляются в отдельных местах романа, а блоки, вписанные в границы текста, приглашают читателя продолжить чтение на других страницах. Это создает эстетику одновременности: постоянно встречающиеся отрывки кажутся на первый взгляд достаточно разрозненными, разнесенными по тексту, но, тем не менее, они связаны, ссылаются друг на друга и друг друга поясняют. Используемые при этом эстетические средства функционируют по ризоморфному принципу Делёза и Гваттари, согласно которому из любой формы могут развиваться непредсказуемые комбинации образов и смыслов, кодов.

Катастрофическая ирония, считает Йиргль, дает пищу нашей культуре без ориентиров, в которой развлечение и удовольствие любой ценой одерживают верх над смыслом: «Это ирония, которую никто не имеет в виду. Она уже давным-давно существует для всех» [Jirgl 2011: 59]. Особенно интересно наблюдать, как само литературное ремесло становится пост- и метаироническим. Более того, стремление к иронии, ставшее популярным, уже само по себе становится иронией: призывающий уже живет в ее центре. Следовательно, ему дается гораздо

больше, в основном против его воли, чем он мог бы попросить; ирония второго рода, так сказать: катастрофическая ирония как превращение иронии в цинизм.

«Самый прекрасный вид иронии, – считает Йиргль, – это защищать дело, которое невозможно защитить, с доводами, полными сатирической горечи...» [Jirgl 2011: 59].

Таким образом, ирония приобретает концептуальное значение в сознании общества в те периоды истории, когда утрачивается вера в ценности и реализацию общественно-го идеала. В этом случае литература отражает исторический пессимизм этого общества и ищет пути преодоления духовного кризиса. Одним из важнейших инструментов такой переоценки и переориентации является ирония. Вирулентность разрушенных утопий – как технических, так и политических – таково катастрофическое измерение иронии. В поэтике Йиргля она реализуется в первую очередь посредством фрагментирования. Остраняющему расщеплению и распаду подвергаются те элементы, которые традиционно, в реалистическом нарративе, представлялись целостными – личность героя и границы между сознаниями персонажей, линейное время, пространство, первоэлементы письма.

Литература

Потёмина, М.С. «Память» и «забвение» в современной литературе Германии // Прак-

тики и интерпретации: журнал филологических, образовательных и культурных исследований. 2020. Т. 5. № 4. С. 17–34. DOI 10.18522/2415-8852-2020-4-17-34

Потёмина, М.С. Болевой синдром объединения: «NOX» Т. Хеттхе // Вестник БФУ им. И. Канта. 2011. Вып. 2: Сер. Филологические науки. С. 43–49.

Потёмина, М.С. Объединение Германии как опыт «социокультурной травмы» // Русская германистика: Ежегодник российского союза германистов. Т. 16: Активные процессы в языке и литературе: социокультурные основания / сост. Н. С. Бабенко и др. Н. Новгород: ДЕКОМ, 2019. С. 146–157.

Потёмина, М.С. Поэтика деконструкции текста Р. Йиргля: переводческий аспект // Слово.ру: Балтийский акцент. Т. 13. № 2. 2022. С. 134–146. DOI 10.5922/2225-5346-2022-2-7

Danneman, K. (2009). Der blutig=obszön=banale 3-Groschen-Roman namens Geschichte. Gesellschafts- und Zivilisationskritik in den Romanen Reinhard Jirgls. Würzburg: Königshausen & Neumann.

De Winde, A. (2008). Palimpsest der Gespenster: Intertextualität, Genealogie und Spektralität im Werk von Reinhard Jirgl (Doctoral Dissertation, Lueven).

Demir, M.I. (2016). Poetologie der Ränder. Kulturpoetische Dimension performativer Schreibverfahren in Reinhard Jirgls Genealogie des Tötens. Würzburg: Königshausen & Neumann.

Grimm, E. (2007). Die Lebensläufe Reinhard Jirgls. Techniken des melotraumatischen Inszenierung. In D. Clarke, & A. De Winde (Eds.), *Reinhard Jirgl. Perspektiven, Lesearten, Kontexte*. Amsterdam, New York: Rodopi, 197–226.

Jirgl, R. (2010a). *Abschied von den Feinden*. München: dtv.

Jirgl, R. (2008a). *Abtrünnig*. Roman aus der nervösen Zeit. München: dtv.

Jirgl, R. (2000). *Die atlantische Mauer*. München-Wien: Hanser.

Jirgl, R. (2008b). Die wilde und die gezähmte Schrift. Eine Arbeitsübersicht In R. Jirgl, *Land und Beute*. Aufsätze aus den Jahren 1996 bis 2006. München: Carl Hansen Verlag, 92–122.

Jirgl, R. (2011). Das Gegenteil von Spiel ist nicht Ernst, sondern Wirklichkeit! Text und Kritik, 189, 80–85.

Jirgl, R. (2010b). *Genealogie des Tötens*. München: dtv.

Jirgl, R. (1997). *Hundsnächte*. München: dtv.

Jirgl, R. (1991). *Im offenen Meer*. Schichtungsroman. Hamburg, Zürich: Luchterhand.

Jirgl, R. (2008c). Zeit der niedrigen Himmel. In R. Jirgl, *Land und Beute*. Aufsätze aus den Jahren 1996 bis 2006. München: Carl Hansen Verlag, 53–65.

Tommek, H. (2015). „Von Dämmerung zu Dämmerung“ Zum Verhältnis von Moderne, Post-Moderne und Ost-Moderne im Werk von Reinhard Jirgl. In V. Chilese, & M. Galli (Eds.),

Im Osten geht die Sonne auf? Tendenzen neuerer ostdeutscher Literatur. Würzburg: Königshausen & Neumann, 121–136.

Törne v., D. (1995). *Ins Metaphorische gesteigerte Detailbesessenheit*. ndl, 5, 156–158.

References

Danneman, K. (2009). *Der blutig=obszön=banale 3-Groschen-Roman namens Geschichte. Gesellschafts- und Zivilisationskritik in den Romanen Reinhard Jirgls* [The bloody=obscene=banal 3-cent novel called History. Criticism of society and civilization in Reinhard Jirgl's Novels]. Würzburg: Königshausen & Neumann.

DeWinde, A. (2008). *Palimpsest der Gespenster: Intertextualität, Genealogie und Spektralität im Werk von Reinhard Jirgl* [Palimpsest of ghosts: intertextuality, genealogy and spectrality in the work of Reinhard Jirgl] (Doctoral Dissertation, Lueven).

Demir, M. I. (2016). *Poetologie der Ränder. Kulturpoetische Dimension performativer Schreibverfahren in Reinhard Jirgls Genealogie des Tötens* [Poetology of the margins. Cultural-poetic dimension of performative writing procedures in Reinhard Jirgl's Genealogy of Killing]. Würzburg: Königshausen & Neumann.

Grimm, E. (2007). Die Lebensläufe Reinhard Jirgls. Techniken des melotraumatischen Inszenierung [The life stories of Reinhard Jirgl. Techniques of melotraumatic staging]. In: D. Clarke, & A. De Winde (Eds.), *Reinhard Jirgl. Perspektiven, Lesearten, Kontexte* [Reinhard

Jirgl, R. Perspectives, ways of reading, contexts]. Amsterdam, New York: Rodopi, 197–226.

Jirgl, R. (2010a). *Abschied von den Feinden* [A farewell to enemies]. München: dtv.

Jirgl, R. (2008a). Die wilde und die gezähmte Schrift. Eine Arbeitsübersicht [The wild and the tamed writing. A work overview]. In R. Jirgl, *Land und Beute. Aufsätze aus den Jahren 1996 bis 2006* [Land and prey. Articles from 1996 to 2006]. München: Carl Hansen Verlag, 92–122.

Jirgl, R. (2000). *Die atlantische Mauer* [The Atlantic wall]. München-Wien: Hanser.

Jirgl, R. (2008b). Zeit der niedrigen Himmel [Time of the low skies] In R. Jirgl, *Land und Beute. Aufsätze aus den Jahren 1996 bis 2006* [Land and prey. Articles from 1996 to 2006]. München: Carl Hansen Verlag, 53–65.

Jirgl, R. (2011). Das Gegenteil von Spiel ist nicht Ernst, sondern Wirklichkeit! [The opposite of play is not seriousness, but reality!]. *Text und Kritik*, 189, 80–85.

Jirgl, R. (2010b). *Genealogie des Tötens* [Genealogy of killing]. München: dtv.

Jirgl, R. (1997). *Hundsnächte* [Dog nights]. München: dtv.

Jirgl, R. (1991). *Im offenen Meer. Schichtungsroman* [In the open sea. Layering novel]. Hamburg, Zürich: Luchterhand.

Jirgl, R. (2008c). *Abtrünnig. Roman aus der nervösen Zeit* [Renegade. Novel from the nervous time]. München: dtv.

Potyomina, M.S. (2011). Bolevoy sindrom ob'yedineniya: "NOX" T. Hettche [Pain

syndrome of reunification: "NOX" by T. Hettche]. *Vestnik BFU im. I. Kanta, Ser. Filologicheskie nauki* [Herald of Immanuel Kant Baltic Federal University. Philology], 2, 43–49.

Potyomina, M.S. (2019). Ob'yedineniye Germanii kak opyt «sotsiokul'turnoy travmy» [German reunification as "sociocultural trauma" experience]. In N. S. Babenko (Ed.), *Russkaya germanistika. Ezhegodnik Rossiyskogo soyuza germanistov* [Russian Germanistics. Yearbook of the Russian Union of Germanists] (Vol. 16). Nizhny Novgorod: Dekom, 146–157.

Potyomina, M.S. (2020). «Pamyat'» i «zabveniyе» v sovremennoy literature Germanii ["Memory" and "oblivion" in contemporary German literature]. *Praktiki i Interpretatsii: Zhurnal Philologicheskikh, Obrazovatel'nykh i Kul'turnykh Issledovaniy* [Practices & Interpretations: A Journal of Philology, Teaching and Cultural Studies], 5 (4), 17–34. DOI 10.18522/2415-8852-2020-4-17-34

Potyomina, M.S. (2022). Poetika dekonstrukcii teksta R. Jirglya: perevodcheskiy aspekt [Poetics of the deconstruction of Reinhard Jirgl's text: A translational perspective] *Slovo.ru: Baltijskij accent*, 13 (2), 134–146. DOI 10.5922/2225-5346-2022-2-7

Tommek, H. (2015). „Von Dämmerung zu Dämmerung“ Zum Verhältnis von Moderne, Post-Moderne und Ost-Moderne im Werk von Reinhard Jirgl. [“From Twilight to Twilight” on the relationship between modernism, post-modernism, and Eastern modernism in the

work of Reinhard Jirgl] In V.Chilese, & M. Galli M. (Eds.), *Im Osten geht die Sonne auf? Tendenzen neuerer ostdeutscher Literatur* [The East the sun rises? Tendencies of recent East German Literature]. Würzburg: Königshausen & Neumann, 121–136.

Törne v., D. (1995). *Ins Metaphorische gesteigerte Detailbesessenheit*. [Obsession with detail heightened to the metaphoric]. *ndl*, 5, 156–158.

Для цитирования: Потёмина, М.С. Катастрофическая ирония и поэтика фрагментарности в текстах Райнхарда Йиргля // *Практики и интерпретации: журнал филологических, образовательных и культурных исследований*. 2022. Т. 7. № 2. С. 50–65. DOI: 10.18522/2415-8852-2022-2-50-65

For citation: Potyomina, M.S. (2022). Catastrophic irony and the poetics of fragmentation in the texts of Reinhardt Jirgl. *Practices & Interpretations: A Journal of Philology, Teaching and Cultural Studies*, 7 (2), 50–65. DOI: 10.18522/2415-8852-2022-2-50-65

CATASTROPHIC IRONY AND THE POETICS OF FRAGMENTEDNESS IN THE TEXTS OF REINHARDT JIRGL

Marina S. Potyomina, PhD, Associate Professor, Immanuel Kant Baltic Federal University
(Kaliningrad, Russia), e-mail: mpotemina@kantiana.ru

Abstract. This article identifies features of Reinhard Jirgl's poetics based on the principles of textual disruption, anagrammatic aesthetics, and performativity. A distinctive feature of Reinhard Jirgl's idiosyncrasy are discontinuities and violations of narrative, fragmentedness, overlapping discourses, refusal of narrative coherence, stratification and (re)combining of storylines.

The events that took place in Germany before and after 1989/90 are represented in the writer's works as a chronicle of catastrophes. Within the framework of the concept of catastrophic irony, Berlin becomes a specific conceptual-semiotic space, generating additional meanings. The main means of realization of catastrophic irony are aesthetic radicalism, dissonance between appearance and truth, virtualization of political processes, communicative violations and paradoxes, dismantling, and duality.

On the material of the novels "Abschied von den Feinden", "Hundsnächte", "Abtrünnig: Roman aus der nervösen Zeit" the author considers particulars of experimental writing, which helps generating new meanings of social life.

Key words: Reinhard Jirgl, irony, fragmentedness, Unification, semiotics of fiction, novel, German literature, identity

